

На Национальном канале было много программ и много студий звукозаписи. Для артистов было обычным делом иногда случайно встречаться там. Как и сейчас, Гунси Цяо случайно встретил нескольких артистов, которые только что закончили запись шоу.

- Это все певцы, которые вышли из моды, но всё ещё имеют некоторый доступ и зарабатывают на жизнь несколькими полумёртвыми концертами, - прошептал ему на ухо Чэнь Кэ. - Просто поздоровайся.

У Гунси Цяо были некоторые впечатления об этих людях, которые стали популярными по всей стране с одной песней, но их последующие действия были слабыми. Полагаясь на одну законченную песню для исполнения её повсюду, они поддерживали свой статус певцов в неудобной манере.

Но, несмотря ни на что, у этих людей, по крайней мере, была хитовая песня. Это было намного лучше, чем певцы, которые впали в безвестность до того, как дебютировали.

В эти годы индустрия звукозаписи переживала спад, а интернет-платформы взрастили многих интернет-певцов и сделали традиционный рынок звукозаписи ещё более вялым. Это также привело к странному явлению в индустрии развлечений. То есть статус поп-певцов был ниже, чем у актёров, но певцы были исключительно выше.

Взяв на себя инициативу поприветствовать этих певцов, Гунси Цяо увидел на лицах этих людей противоречивые эмоции: желание выслужиться, но не менее сильным было и желание сохранить самообладание. Он немного вздохнул в своём сердце, но внешне сохранял уважение младшего к старшим, пока эти люди не ушли, а затем вошёл в лифт.

Как только Гунси Цяо поднялся наверх, к нему подошёл сотрудник. Группа людей столпилась вокруг него, чтобы пройти на нанесение грима, с дружелюбным и восторженным отношением, относясь к новичку намного лучше, чем в обычной ситуации. Даже Чэнь Кэ, агент, получил вежливый и обходительный приём.

По сравнению с местными телевизионными станциями, Национальная станция придавала большее значение общему качеству исполнителей, а не тому, какой артист был популярен, а какой артист был полон энтузиазма, что было бы слишком несовместимо с высоким и холодным стилем Национальной станции. Например, если бы Гунси Цяо был популярным артистом, согласно их прежним стандартам, было бы невозможно включить его в такую престижную программу, как "Разговор по душам". Однако у него была другая личность, как у молодого каллиграфа и художника. Молодой каллиграф и художник, который заставил иностранные СМИ и любителей живописи и каллиграфии отпустить челюсти.

Нередко можно было увидеть популярного артиста, но редко можно было увидеть молодого человека, который завоевал славу для своей страны. Более того, через несколько дней в эфир выйдет их документальный фильм о "Национальной индустрии". С Гунси Цяо в качестве одного из представителей, не только были бы гарантированы рейтинги, но они также могли бы воспользоваться возможностью для продвижения традиционной каллиграфии и живописи.

Лучше и быть не может.

Новость о предстоящем выступлении Гунси Цяо в программе "Разговор по душам" уже была опубликована третьим каналом Национальной вещательной станции, так что многие фанаты Цяо уже послушно ждали перед своими телевизорами, хотя до начала шоу оставалось ещё десять минут.

В восемь часов и сорок минут вечера по времени столицы Империи заиграла знакомая вступительная музыка "Разговора по душам", и многие семьи, которые привыкли смотреть этот канал, сели перед телевизорами, чтобы насладиться тишиной после дневной суеты.

После вступительной музыки состоялось представление гостей. Стиль редактирования Национальной станции всегда был устойчивым и атмосферным. Они не использовали напыщенных слов, чтобы описать гостей, но используемые слова были достаточно торжественными, чтобы каждый зритель почувствовал их намерение.

Заключительное представление гостей завершилось фотографией картины Гунси Цяо в окружении иностранных СМИ. Элегантное и красивое лицо Лян Цзина появилось у всех перед глазами, и он открыл шоу знакомым образом.

Гунси Цяо, сидевшему рядом с ним, оставалось только элегантно улыбнуться, а затем дожидаться окончания вступительной речи Лян Цзина, прежде чем приветствовать камеру.

Лян Цзин был очень хорошим ведущим, очень хорошо улавливая ритм. Его слова и манеры были мягкими, не вызывая у гостей чувства обиды. Гунси Цяо намеревался изобразить перед аудиторией элегантного и вежливого, но определённо не скучного молодого человека, поэтому он уделил большое внимание сотрудничеству между ним и Лян Цзином в плане общения.

- Я очень рад пообщаться сегодня с Сяо Цяо, - сказал Лян Цзин с более яркой улыбкой на лице. - Если я могу быть настолько смелым, чтобы попросить об одолжении, я хотел бы знать, можешь ли ты удовлетворить мою просьбу.

Гунси Цяо улыбнулся на это:

- Брат Лян, пожалуйста, скажи это.

- Поскольку человек приходит к нам в гости, он обязательно должен оставить какой-нибудь подарок нашей съёмочной группе. Я не жадный, просто дай нам кусочек каллиграфии, - Лян Цзин поддразнил собеседника: - Ты не знаешь, с раннего утра режиссёр напоминает мне, чтобы я не забыл попросить у тебя каллиграфический рисунок. После запуска программы он несколько раз помахал передо мной карточкой-подсказкой, которую держал в руке, и я даже не могу притвориться, что не вижу этого.

На самом деле, имея статус Национальной вещательной станции, если бы они действительно хотели получить фрагмент его каллиграфии, Гунси Цяо не отказался бы, если бы они упомянули об этом после программы. Упомянув об этом в программе и делая такое преувеличенное заявление, Лян Цзин на самом деле намеренно продвигал его.

- Ты льстишь мне, ты льстишь мне, для брата Ляна и режиссёра проявлять интерес к моей каллиграфии является большой честью для меня. Поскольку вам это не противно, я предложу это, - другая сторона дала ему лестницу, так что молодому человеку не только пришлось карабкаться вверх, но и делать это смиренно, чтобы лицо каждого выглядело хорошо.

Сотрудники программы уже всё подготовили. Гунси Цяо подошёл к столу, взял кисть и окунул её в чернила. Он обнаружил, что это были не заводские чернила, а чернила ручной работы, а другие инструменты также были старинными и очень сложными.

Приглашая людей писать каллиграфию, степень подготовки четырёх сокровищ кабинета (1) показывала отношение уважения или его полного отсутствия. Эти вещи, подготовленные "Разговором по душам", вызвали у него большое уважение.

Ты даёшь мне крупный персик, я взамен передаю драгоценный нефрит (2). Отношение Гунси Цяо также стало намного более обдуманым, когда он поднёс кисть к бумаге.

Пока он писал, камера была придвинута ближе, снимая молодого человека крупным планом, идеально представляя его позу для письма и осанку на экранах телевизора.

"Яркая луна сопровождается яркими звёздами, Млечный Путь заполнен облаками, похожими на волны".

- Хорошо! - когда последний мазок Гунси Цяо был завершён, Лян Цзин, стоявший рядом с ним, не смог удержаться от крика "Хорошо!". Он также интересовался каллиграфией и получил много произведений каллиграфии от других людей за эти годы после того, как посещал их выставки, чтобы насладиться искусной каллиграфией мастеров, но по сравнению с каллиграфией Гунси Цяо, все они всё ещё были немного менее элегантными и изящными.

Иногда каллиграфия зависела от душевного состояния. В прошлом люди, которые приходили на их программы, чтобы делать каллиграфические работы, были осторожны, опасаясь, что их почерк может быть недостаточно хорош. Но Гунси Цяо написал эти два стиха с большим щегольством и элегантностью с того момента, как приложил кисть к бумаге.

---

1. Четыре сокровища кабинета: кисть, чернильная палочка, бумага и чернильный камень, предметы, необходимые для каллиграфии.

2. 投之以木瓜 (tóuzhīmùtáobào zhī qióngyáo) – литературный перевод – ты даёшь мне крупный персик, а я взамен дам драгоценный нефрит – китайская пословица о том, как ценить добрые намерения других и отвечать взаимностью.

<http://bllate.org/book/13624/1208595>